

<...>

Мы в доме творчества «Иваново». Это — одно из любимейших мест труда и отдыха композиторов, музыковедов, исполнителей, давно и прочно завоевавшее признательность многих поколений советских музыкантов. Приезжих приветливо встречает директор Анатолий Павлович Васильков. Сестра-хозяйка сопровождает каждого в отведенную ему дачу или комнату пансионата, ласково напутствует: «Завтрак в десять. Милости просим!».

«Иваново» — один из десяти действующих ныне домов творчества Союза композиторов СССР и один из старейших. Он создан в 1943 году и в 1983 году отмечает свое сорокалетие. Расположен дом творчества в живописнейшем месте под Ивановом, на берегу небольшой речушки Харинки, среди полей, изрезанных холмами, и густых заповедных лесов. <...>

Это было весной 1943 года — трудной для нашего народа, но и радостной, обнадеживающей весной. В январе был завершён прорыв блокады Ленинграда, а к началу февраля советскими войсками была окончательно разгромлена группировка немецко-фашистских войск под Сталинградом. Готовилось мощное наступление на Орловско-Курской дуге.

В Москву постепенно возвращались из госпиталей, из эвакуации композиторы, музыковеды. Союз композиторов и Музыкальный фонд СССР искали возможности оказания материальной помощи членам своего союза. Ещё в довоенные годы в подмосковном поселке Старая Руза существовал небольшой дом творчества — несколько дач и столовая. Однако осенью 1941 года Старую Рузу захватили фашисты. После жестоких боев в этом районе и освобождения Подмосковья она оказалась разрушенной до основания. Надо было найти место, где композиторы могли хотя бы летом, работать, быть обеспеченными элементарными бытовыми условиями, а главное — питанием. Союз композиторов и его оргкомитет во главе которого стоял тогда старейший и авторитетнейший музыкант Рейнгольд Морицевич Глиэр, его заместитель Арам Ильич Хачатурян, секретари Виктор Аркадьевич Белый и Николай Карпович Чемберджи, считали своим первейшим долгом помочь композиторам в их трудных буднях, особенно людям старшего поколения, крупным советским мастерам, а также семьям фронтовиков. Музфонд СССР (его директором в те годы был музыковед Л. Т. Атовмян) обратился за помощью в Наркомат сельского хозяйства. Там посоветовали поехать в Иваново, в семи километрах от которого находился процветавший до войны, а теперь из-за отсутствия кормов и топлива почти совсем захиревший птицеводхоз. Через несколько дней в Иваново был направлен сотрудник Музфонда В. А. Лемперт.

В глубине изрядно вырубленного парка стоял старый, но еще крепкий каменный одноэтажный дом с мезонинчиком — бывшая усадьба помещика Штефана, одного из дальних родственников Н. Ф. фон Мекк. После революции, в двадцатые годы, дом и усадьба Штефана были отданы коммуне бывших беспризорников. Многие деревенские старожилы хорошо помнят, как одетые в серые брюки и гимнастерки, бритые под бокс ребята ходили на полевые работы, рубили на дрова старый штефановский парк, пели, сидя у костра, первые комсомольские песни «Там, вдали, за рекой» и «Здравствуй, милая

картошка»... А потом коммуны закрыли — надобность в ней отпала — и дом отдали под контору и общежитие для работниц птицевосхоза.

Лемперт был необычайно энергичным человеком. Получив постановление о передаче территории и материальной базы птицевосхоза Музфонду СССР, он прежде всего занялся ремонтом. Директором дома творчества Лемперт назначил бывшего зоотехника птицевосхоза Василия Георгиевича Наумова.

Прошло с той поры сорок лет, а Василий Георгиевич, пенсионер, человек с удивительно цепкой памятью и живым юмором, рассказывает:

«Толстяк Лемперт (здесь его по-ивановски переименовали в Лимпера) был, как шаровая молния. В один день все перевернул. Привез краску, гвозди; олифы не было — достал немного подсолнечного масла. Бывший каретный сарай отвел под строительноремонтную мастерскую. Стали красить, белить, перестраивать дом. Стены в столовой выкрасили богато, под шелк; завезли столы, стулья, кровати, несколько роялей. Только ставить-то их было куда? Композиторам надо было каждому заниматься в своем уголке, индивидуально. Вот и придумали мы вместе с Лемпертом снимать им в деревне Афанасово избы под рабочие кабинеты. А жить и питаться, конечно, всем вместе, в одном доме...

Так я стал сотрудником Союза композиторов. В совхозе оставалось еще кое-какое хозяйство: пара коров, свиньи, куры, хлеб на два-три месяца. Был даже трактор. Да худая лошаденка, запряженная в тарантас. Можно было принимать гостей! В начале лета 1943 года приехали первые обитатели дома творчества, композиторы Р. М. Глиэр, Д. Д. Шостакович, В. И. Мурадели, А. И. Хачатурян. Почти все с женами и детьми. Ребята были худые, тихие — дети военных лет. Мурадели, помню, приехал в военной форме. Расселились все в центральном доме, разгороженном фанерными стенами на несколько комнат. На второй день Вано Ильич пошел со мной осматривать поле. Был он человек живой, деятельный, сразу же попросил разрешения покататься на тракторе и часа три ездил по полю, получая, видимо, огромное удовольствие. Рейнгольд Морицевич Глиэр, серьезный, доброжелательный, был особенно уважаем. А Хачатурян и Шостакович, еще совсем молодые, были веселыми, общительными людьми, и никто из сотрудников Дома — их было тогда немного — не чувствовал никакой дистанции между собой и известными композиторами...»

В это первое ивановское лето территория дома творчества представляла собой не слишком живописную картину. Деревьев почти не было, крошечную, высыхающую Харинку «курица вброд перейдет». Круглые сутки гнала густой черный дым труба соседнего сажевого завода. «Сажево-беспейзажево» — окрестили свою территорию композиторы. Дач еще не было, а справа и слева от дома стояли два полуразрушенных то ли здания, то ли навеса — бывшая господская молотилка и каретный сарай. Но все это отнюдь не смущало композиторов. Хозяйство птицевосхоза, хоть и сильно исхудавшее за два года войны, все же располагало всем необходимым для жизни: куры неслись, коровы вскоре начали давать молоко — детям хватало.

Поселившись в одном доме, композиторы зажили как бы одной семьей. Хозяйство решили подымать сообща. Вместе с сотрудниками Дома в первое же лето заложили маленький огород. Теперь дети стали получать свежую зелень, да еще собирали в лесу ягоды. И вскоре по всей территории зазвенели детские голоса, смех — ребятишки поправлялись, веселились. Вместе с деревенскими ребятами и детьми сотрудников «композиторские» составили шумный и подвижной отряд.

Обедали все вместе в просторной столовой за одним столом. Еду, самую простую, но необычайно вкусную по тем временам — крапивные щи, овсяную или перловую кашу — подавали на подносах снизу, из расположенной в полуподвале кухни. Разносили ее тогда молодые официантки Пия и Мария — Пиаме Феоктистовна Курочкина и Мария Павловна Горина. Было много шуток, смеха, и лишь задумчивый Дмитрий Дмитриевич Шостакович, торопясь вернуться к рабочему столу (он в то лето работал над Восьмой симфонией), тянул на мотив главной темы из третьей части своей симфонии: Пи-я! Ма-ри-я! Ско-ре-е! Так и запомнился он с той поры Пиаме Феоктистовне этим «Пи-ия! Ма-ри-я!»

Атмосферу ивановского дома творчества отличал дух простоты, доброжелательства, взаимопомощи, подлинного демократизма — качеств, которые наиболее ярко проявились в те трудные, военные годы. Узы крепкой и искренней дружбы, сплетенные в «Иванове», долгие годы связывали потом многих мастеров старшего поколения. А традиции, ими заложенные, сохраняются и по сей день.

Это первое ивановское лето можно смело назвать историческим не только для дома творчества, но для всей советской музыки.

Именно летом 1943 года в маленькой деревенской избе работал над своей знаменитой Восьмой симфонией Д. Д. Шостакович. Она была создана в необычайно короткий срок: за два месяца с небольшим.

«На днях я закончил работу над своей новой, 8-й симфонией,— писал Дмитрий Дмитриевич. — Она отражает мои мысли и переживания, общее хорошее творческое состояние, на котором не могли не сказаться радостные вести, связанные с победами Красной Армии... Восьмая симфония имеет много внутренних конфликтов, и трагических, и драматических. Но в целом — это жизнеутверждающее, оптимистическое произведение. Идейно-философскую концепцию моего нового произведения я могу выразить очень кратко, всего двумя словами: жизнь прекрасна. Все темное, мрачное сгинет, уйдет, восторжествует прекрасное».

В сентябре 1943 года Восьмую симфонию слушали в Комитете по делам искусств в присутствии многих видных музыкантов, а 4 ноября состоялась премьера в Большом зале Московской консерватории. Симфонию исполнял Государственный симфонический оркестр СССР, дирижировал постоянный исполнитель произведений Шостаковича Е. А. Мравинский, которому и посвящена симфония. <...>

Вот уже четыре десятилетия не сходит с концертных эстрад Восьмая симфония — трагический музыкальный памятник военных лет. Но немногим известно, что самое первое прослушивание симфонии состоялось в простой деревенской избе, у крестьянки села Афанасово Натальи Александровны Восейковой, тети Тали. Было это так.

Дом творчества снимал у Восейковой комнату А. И. Хачатуряну. Целые дни проводил здесь за роялем Арам Ильич, ел сваренную тетей Талей картошку, запивал молоком. Наталья Александровна не очень-то церемонилась с именитым гостем: то заставит в доме прибраться, то дров принести для плиты. И все ворчала, что курит Арам Ильич одну козью ножку за другой, дымя жестоким самосадам.

— Уж ты прости, тетя Таля, — говорил Арам Ильич, — папиросы меня нипочем не берут. Без самосада мне думать трудно...

И она снова приносила ему с чердака, где сушила табачные листья, очередную горстку самосада. Муж и сын Восейковой были на войне, она одна управлялась с хозяйством, да еще ходила на строительство первых дач в дом творчества.

«Мы, женки, в ту пору строили первую маленькую дачу, — в ней потом поселился Дмитрий Дмитриевич Шостакович, — вспоминает Наталья Александровна. — Собралась я однажды на работу, а Арам Ильич говорит мне: «Не ходи, тетя Таля, оставайся дома, сегодня будем принимать Восьмую симфонию».

— Да куда мне принимать-то, я ведь и не пойму ничего!

— Нет, говорит, оставайся. Я тебе все буду пояснять.

Ну вот, пришли Глиэр Рейнгольд Морицевич, Мурадели, Хачатурян с Ниной Владимировной Макаровой, музыковед Поляновский. Шостакович вообще-то такой тихой был, скромный мужик. Все в шляпах ходили, а он в фуражке... И все в землю смотрел, думал.

Начал он играть свою симфонию, а мне Арам Ильич подсказывает: тут вода течет, тут лес шумит, а тут танки идут, а тут женщины плачут...».

В течение пяти лет, пока строились дачи, работали композиторы в домах афанасовских жителей. Как не помянуть добрым словом Н. А. Восейкову, семью Маврычевых и многих других жителей Афанасова! Ведь нет сомнений, что это им, простым деревенским женщинам, ивановским крестьянкам, чьи мужья и сыновья воевали за родину, а сами они мучительно и трудно подымали свое тяжелое хозяйство, именно их заботе и истинно русской доброте мы во многом обязаны рождением таких шедевров нашей советской музыки, как Восьмая симфония и фортепианное Трио памяти И. И. Соллертинского Д. Д. Шостаковича, как Восьмая соната для фортепиано и Пятая симфония С. С. Прокофьева, Симфония с колоколом (Вторая) А. И. Хачатуряна и многие другие сочинения.

В следующем, 1944 году ивановский дом пополнился новыми жителями. Среди них — мастера старшего поколения: приехавший из эвакуации Сергей Сергеевич Прокофьев, Николай Яковлевич Мясковский, Дмитрий Борисович Кабалевский, Николай Карпович Чемберджи, Николай Васильевич Нариманидзе и молодежь — Николай Пейко, Игорь Морозов, Борис Мокроусов, поэт Алексей Фатьянов.

В то лето посреди поляны уже стояли две небольшие дачи, построенные для Шостаковича и Глиэра. Дмитрий Дмитриевич устраивался по утрам за наспех сколоченным столом около своей маленькой дачи, раскладывал партитурную бумагу, укреплял листы по краям камешками, чтобы их не унес ветер, и начинал работать. А Рейнгольд Морицевич предпочитал уединяться в старом сарае, приютившемся на отшибе у кормокухни, — так ему было спокойнее. Там ему и рояль поставили. Отдыхая от работы, он выходил насыпать курам зерна. В такие минуты к нему заглядывал директор Наумов, и они беседовали о новостях на фронте, о хозяйственных делах, а под конец беседы Василий Георгиевич, слегка стеснясь, просил:

— Рейнгольд Морицевич, сыграйте мне, пожалуйста, «Яблочко» из вашего балета «Красный мак».

И Глиэр охотно выполнял просьбу.

Пребывание в доме творчества С. С. Прокофьева внесло в жизнь ивановцев новую ноту: этот, уже всемирно известный композитор, пользовавшийся особым уважением коллег, был человеком необычайной творческой самодисциплины, трудолюбия, четкости и точности во всем, что касалось его собственной работы и работы товарищей. Вот как вспоминает А. И. Хачатурян об этом времени:

«Лето 1944 и 1945 годов С. С. Прокофьев провел в доме творчества близ Иваново. Там же со своими семьями жили Р. М. Глиэр, Д. Д. Шостакович, Д. Б. Кабалевский, Ю. А.

Шапорин и другие композиторы. Одно лето в Иванове жил Н. Я. Мясковский. Сергей Сергеевич сочинял с неукоснительной регулярностью. Каждое утро он ходил в лизлежашую деревню, где дом творчества снимал комнаты для работы композиторов. Там, в скромном домике, стоявшем на краю деревни, были написаны Пятая симфония и Восьмая фортепианная соната, цикл фортепианных пьес на темы балета «Золушка». Сюда время от времени собирались жившие в доме творчества музыканты, чтобы познакомиться с новыми сочинениями Сергея Сергеевича.

При любой погоде Сергей Сергеевич отправлялся на прогулку в лес. Нередко к нему присоединялись и другие обитатели дома творчества, и тогда мы в полной мере могли оценить живое остроумие Прокофьева-собеседника, его душевность в отношении к людям, его любовь к природе, к русскому пейзажу».

С. С. Прокофьев более других был дружен с Дмитрием Борисовичем Кабалевским, хотя их разделяла разница в тринадцать лет. Каждое утро Сергей Сергеевич и Дмитрий Борисович отправлялись после завтрака в Афанасово работать. По дороге, в березовой роще, им обычно встречалась группа ребятишек из Ивановского детского дома со своей воспитательницей. Завидев Прокофьева, ребята кидались к нему:

— Наш дядя идет!

У друзей затевалась с ребятишками забавная игра: каждый малыш мог один раз пройти сквозь «ворота» — широко расставленные ноги «дяди-достань-воробушка» — Д. Б. Кабалевского. Если же кто-нибудь из малышей норовил проскочить в «ворота» дважды, Прокофьев выволакивал его за тусы.

«Эта забава нам очень нравилась, — вспоминал впоследствии Дмитрий Борисович, — и мы приходили в свои рабочие комнаты в отличном расположении духа. И когда из-за дурной погоды ребятишки сидели дома, нам словно чего-то не хватало».

Часто приятели совершали «большое кругосветное путешествие» — вокруг совхоза с заходом в лес и к железнодорожному полотну, или «малое кругосветное» — вокруг поля, березовой рощи с заходом в деревню. (Эту рощу тогда прозвали «Прокофьевской», и название закрепилось за ней навсегда.)

«Как любил Сергей Сергеевич эти прогулки! — пишет далее Кабалевский. — Никогда раньше я не знал, что он так остро чувствует и любит природу, лес, поле, что он способен с такой непосредственностью восхищаться отсветами заката, причудливыми узорами облаков, переливами птичьих голосов. Найдя хороший гриб, прежде чем сорвать его, Прокофьев звал полюбоваться, как красиво он сидит во мху. Муравейники его особенно интересовали. У него было на нашем пути несколько «своих», излюбленных, он следил за их ростом, много говорил о муравьях, восхищался разумной организацией их жизни и труда... Однажды подобрав в лесу старую туфлю, он отнес ее одному из «своих» муравейников, а затем каждый день смотрел, как она обволакивается хвоей.

— Вы только представьте себе, какие роскошные залы устроят они себе в этой туфле! — говорил он.

Во время этих прогулок я впервые понял многие черты в прокофьевском творчестве, которые были, несомненно, рождены его глубоким проникновением в красоту и богатство русской природы».

И сам Сергей Сергеевич, влюбленный в среднерусскую природу, не раз говорил о том, как хорошо ему здесь работает. «Из окна моей комнаты, — писал он об этом времени, — открывался вид на просторные поля, густые хвойные леса, и это располагало к сосредоточенной работе. К моменту начала сочинения симфонии (Пятой. — Р. П.) в

моих записных книжках накопилась значительная доля тематического материала для всех четырех частей симфонии. Работал я напряженно, а в перерывах любил навещать красивые ивановские леса. Иногда отправлялся туда вместе с Н. Я. Мясковским». И еще: «Летом 1944 года я написал Пятую симфонию, работу над которой считаю для себя очень важной как по вложенному в нее музыкальному материалу, так и по тому, что я вернулся к симфонической форме после шестнадцатилетнего перерыва. Пятая симфония как бы завершает целый большой период моих работ. Я задумал ее как симфонию величия человеческого духа».

И вот наступил день показа нового сочинения друзьям-музыкантам — традиция, установленная с самого начала и неукоснительно поддерживаемая всеми. Было это 26 августа 1944 года. В избе Маврычевых, где находилась рабочая комната Прокофьева, собрались его коллеги — давний и старший друг Н. Я. Мясковский, Д. Д. Шостакович, В. И. Мурадели, Д. Б. Кабалевский. Прокофьев волнуется и все старается оттянуть начало того, ради чего они все собрались. Но вот раздаются мощные звуки первой части симфонии — широкая, гордая мелодия, словно величественная песня о родной земле. <...>

13 января 1945 года в Большом зале Московской консерватории впервые была исполнена Пятая симфония. Дирижировал автор. Это были дни решающих побед Советской Армии на всех фронтах. В Москве гремели салюты. В вечер премьеры Пятой симфонии, когда Прокофьев вышел на эстраду, в высоких окнах Большого зала сверкнули многоцветные вспышки ракет, прогремели залпы. Это Москва приветствовала переход советских войск в новое решительное наступление на 1-м и 4-м Украинском, 1-м, 2-м и 3-м Белорусском фронтах. Весь зал был охвачен одним восторженным чувством. И только когда смолкли салюты, полились первые звуки симфонии. Она прозвучала как гимн победе советского народа, как гимн свету, силе, правде. Прокофьева вызывали несколько раз. Он был счастлив...

В то же ивановское лето 1944 года Сергей Сергеевич написал Восьмую фортепианную сонату, шесть пьес из балета «Золушка», две тетради обработок русских народных песен для голоса и фортепиано.

В военные годы композиторы приезжали в Иваново ранней весной, а внуки Глиэра Сента и Лолита оставались здесь с матерью Л. Р. Глиэр на всю зиму, здесь и учились в афанасовской школе. Зимой продолжалось строительство дач и хозяйственных построек, этим ведал недавний фронтовик Кузьма Илларионович Чернодед.

И вот наступило утро 9 мая 1945 года. В домике, где жила семья Чернодеда, вставали, как всегда, рано и тут же включали «тарелку». И вдруг слышали долгожданное: «Победа советского народа над фашистскими захватчиками! Немецкие войска капитулировали полностью!».

— Анюта, скорее беги, буди композиторов! — крикнул Чернодед девятилетней дочери. — Кончилась война!

За окном хлестал проливной дождь. Анюта набросила на себя платок и помчалась к главному корпусу, крича на ходу что было мочи:

— Победа, победа, ура!

Это было поистине необыкновенное лето. Весь Дом был словно охвачен весельем и ликованием. Еще бы — кончилась война!

Вскоре стали съезжаться композиторы — старожилы и новички. Уже были выстроены четыре новые дачи, и теперь из открытых окон на поляну неслись звуки

музыки. Сколько было планов и надежд, сколько придумывалось веселых затей, в которых нередко принимали участие дети!

Главными заводилами считались Вано Мурадели и Дмитрий Кабалевский. Огромный, могучий Вано Ильич ходил по территории, весь обвешанный ребятишками — они от него не отставали. Иногда из прокофьевской дачи раздавался суровый окрик:

— Дети, спать!

— Тихо, друзья, — говорил Вано Ильич, — не шумите. За этим окном происходит историческое событие: Сергей Сергеевич пишет оперу «Война и мир».

А Дмитрий Борисович Кабалевский собирал ребят, вместе с ними бродил по лесу или ловил в заводях Харинки лягушек. Когда высоченный Кабалевский входил в воду, все кричали:

— Ура, Харинка вышла из берегов!

А то, бывало, усядутся в кружок, Дмитрий Борисович придумывает первую фразу — начало сюжета, кто-нибудь вторую, третий рассказчик продолжит — вот вместе и сочиняют рассказы, сказки, фантастические истории, в которых смелые и честные герои всегда оказываются победителями. Так Кабалевский развивал в своих маленьких друзьях первые ростки и тягу к творчеству. Однажды по уговору с Мурадели ребята устроили в лесу облаву на компанию молодежи, затеявшую поздним вечером жарить на костре шашлыки (немного мяса выпросили на кухне). Девчонки стянули с постелей простыни, закутались в них и с тихим завыванием стали бродить в темноте за деревьями в двух шагах от костра. Мужчины дрогнули, быстро загасили костер и разбежались. Хохоту не было конца! Только очень сердился Рейнгольд Морицевич Глиэр, узнав, что «привидениями» были его внуки и с ними Аня Чернопед. А шутки и розыгрыши продолжались, становясь подлинным бедствием для тех, кого бог лишил чувства юмора...

Но, разумеется, главным в жизни ивановцев была работа. Она занимала все мысли художников. Именно творчеством, новыми сочинениями в разных жанрах стремились они внести свой вклад в великое дело победы, воспеть беспримерный подвиг советского народа, бессмертие павших и мужество победителей. Музыка была нужна, как тепло домашнего очага и мирное небо.

Композиторы трудились напряженно, самоотверженно, каждый в меру таланта, но с полной отдачей всех сил. Работал над новыми крупными сочинениями С. С. Прокофьев: инструментовал написанную в клавире «Оду на окончание войны», писал в клавирных эскизах Шестую симфонию, ставшую впоследствии также крупнейшим достижением советского симфонизма, продолжал работу над оперой «Война и мир». Радиокomitee объявил конкурс на лучшую обработку русских народных песен. Прокофьев, уже имевший опыт обработок (за две свои песни он получил две первые премии ВГКО 1944 года), предложил Д. Б. Кабалевскому вступить в соревнование и тоже написать одну-две обработки. Кабалевский отнекивался, отговариваясь отсутствием опыта в такого рода работе.

— А вы сделайте, как я, — говорил Прокофьев, — возьмите мелодии народных песен и развивайте их так, словно это Ваши собственные.

Кабалевский попробовал, и вышло хорошо. Прокофьеву особенно понравилась баллада Кабалевского «Как муж жену сгубил».

— Вот и отлично, — полушутя-полусерьезно говорил он, — я получу первую премию, а вы вторую, вместе и отпразднуем.

«Но бывают же в жизни забавные курьезы! — вспоминал позже Дмитрий Борисович. — Вскоре до нас дошло решение жюри: Прокофьеву была присуждена вторая премия за дуэт «Всякой на свете-то женится», а первую премию получила моя обработка «Как муж жену сгубил». Долго после этого Прокофьев, делая вид, что сердится на меня, говорил: «Ну как же вам не совестно! Я вас угворил сделать эти обработки, я же научил вас, как они делаются, а вы бесцеремонно вырвали у меня из-под носа премию!»».

Сам Дмитрий Борисович в это лето работал над сочинением своего Второго квартета, Прокофьев частенько заглядывал к нему и давал младшему другу бесценные советы. Пребывание Прокофьева в «Иванове» благотворнейшим образом сказалось на его коллегах, особенно молодых. Всегда точный, дисциплинированный, не терпящий разгильдяйства ни в чем — ни в труде, ни во внешнем виде человека, — он требовал того же от окружающих по праву самого старшего (за исключением Глиэра), заражая всех своей жадой работы, нещадно стыдил тех, кто ленился. Одно время даже установил замечательный обычай: по вечерам все должны были отчитываться в проделанной работе. (Может быть, с этого, придуманного им правила отчетов, и возникла позже идея создать в «Иванове» семинарские занятия с молодежью?).

В эти два лета 1944-го и 1945 годов в «Иванове» были написаны многие замечательные сочинения: Симфония с колоколом (Вторая), сюиты из балета «Гаянэ», русская фантазия, сюита из музыки к драме Лермонтова «Маскарад» А. Хачатуряна, Торжественная увертюра и многие страницы балета «Медный всадник» Р. Глиэра, оратория Ю. Шапорина «Сказание о битве за русскую землю», опера В. Мурадели «Великая дружба», 2-й квартет, фортепианные прелюдии, обработки народных песен Д. Кабалевского, упомянутые уже Пятая и Шестая симфонии и «Ода на окончание войны» С. Прокофьева, его же 8-я соната, Восьмая и Девятая симфонии, Трио и 2-й струнный квартет Д. Шостаковича.

<...>